

А. В. Барышников**Преступления против личности: гендерный аспект
(на материалах русской деревни Удмуртии второй половины XIX века)**

Статья построена на материалах фонда Глазовского уездного по крестьянским делам присутствия. Активизация модернизационных процессов в пореформенный период остро обозначила проблему эмансипации крестьянства. Претворяя реформы в жизнь, правительство опиралось на крестьянство как выразителя традиционных ценностей и рассматривало его в качестве социального слоя общества, который в силу своей многочисленности и стабильности жизненного уклада мог способствовать естественному ходу реформ и сдерживать деструктивные для страны начала. Однако по мере развития процессов эмансипации крестьянства как сословия в целом проявилось неравенство между мужчинами и женщинами, вызванное патриархальным укладом сельской жизни. Традиция, представленная аутентичностью сознания мужчин, вступала в противоречие с инновацией, выразившейся в развитии правового самосознания женщин русского крестьянства.

Ключевые слова: русское крестьянство, пореформенный период, эмансипация, уголовные правонарушения, гендерное насилие, Удмуртия.

Реформы Александра II положили начало процессу эмансипации населения Российской империи. Правительству, проводившему на протяжении второй половины XIX века планомерные преобразования, традиционный, патриархальный уклад деревенской жизни служил в качестве опоры для успешной модернизации в том смысле, что в рамках нерволюционного пути преобразований разрыв с традицией не предполагался и, более того, она была необходима как базис. Культурное наследие, социальная память, религиозные нормы предоставляли власти ресурс для модернизации, одновременно выполняя роль «спасительной гавани» для населения, как правило тяжело переживавшего масштабные перемены. Ход модернизации, при котором инновации не вступали в жесткий антагонизм с традиционным укладом и социальной памятью поколений, а, наоборот, существовали с ними в смешении, взаимопроникновении, создавая симбиоз старого и нового, являлся оптимальным для общества.

Вместе с тем эволюционный процесс эмансипации крестьянства на протяжении исследуемого периода имел свои особенности. Проявления обновляющегося сознания в сфере экономической жизни выражались в адаптации крестьянства к модернизационным процессам. Их стремление улучшить свое положение свидетельствовало о росте правосознания сельского населения, которое постепенно находило свое выражение не только в сфере экономики, но и в гендерных отношениях. Проблемы эмансипации крестьянских женщин в русской пореформенной деревне напрямую связаны с более обширным процессом либерализации правового статуса крестьянства как сословия.

К вопросам гендерной истории России обращались Н. Л. Пушкарева, Л. П. Репина, И. Р. Чикалова, М. Г. Котовская [6; 8; 9; 22]. Авторами поднимались вопросы становления научного направления гендерной истории в мировой и отечественной науке, а также рассматривались перспективы развития гендерных исследований. Проблематику гендерных отношений в пореформенной деревне рассматривает В. Б. Безгин. Освещая тему преступлений против личности в пореформенной деревне, он заключает: «Насилие в крестьянской среде было обусловлено патриархальными традициями русского села, условиями жизни и быта русских крестьян. Гендерные роли в семейной обыденности определяли

© Барышников А. В., 2018

зависимое положение русской крестьянки, превращая ее в объект психологического, физического и сексуального насилия со стороны мужа» [1, с. 137].

Касаясь правового аспекта в истории деревни пореформенного периода, стоит отметить, что проблематикой уголовных правонарушений в крестьянской среде начали заниматься еще до революции. Основным вопросом, который ставили исследователи того периода, являлось соотношение обычного права и норм действующего законодательства. Л. С. Белогриц-Котляревский, А. А. Леонтьев, Е. И. Якушкин отмечали особое положение обычного права, его автономную роль в системе правовых отношений [3; 7; 23]. А. А. Леонтьев указывал, что обычное право будет регулировать жизнь народа, даже если законодатель вычеркнет его нормы из действительного писаного права [7, с. 4]. Непосредственно вопросами уголовных правонарушений в деревне занимались В. М. Хвостов, Я. А. Канторович [5; 12]. Современные исследователи Л. И. Земцов, Т. И. Трошина, В. Б. Безгин подробно освещают вопросы нарушений крестьянами норм действовавшего законодательства и рассматривают психологические и социальные аспекты преступлений [2; 4; 11].

На региональном уровне уголовные правонарушения в русской деревне пореформенного периода в целом и их гендерный аспект в частности не получили должного освещения, что подводит нас к необходимости исследования отдельных сторон проблематики с перспективой постановки более широких исследовательских вопросов.

Целью исследования является выявление и характеристика гендерного аспекта уголовных правонарушений против личности в среде русского крестьянства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть и систематизировать уголовные дела, касающиеся преступлений против личности; во-вторых, установить сущность и истоки рассматриваемых правонарушений. Хронологически исследование охватывает вторую половину XIX века — период проведения масштабных реформ.

Характеризовать ситуацию с гендерным насилием в русской деревне Удмуртии нам позволяют уголовные дела, хранящиеся в фонде 108 (Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие) Центрального государственного архива Удмуртской Республики, которые впервые вводятся в научный оборот. Они направлялись на рассмотрение в Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие и имели вид жалобы ответчика на решение волостного суда. Из нескольких десятков уголовных и гражданских дел, рассматривавшихся волостными судами в период с 1875 по 1890 г., в контексте исследования были проанализированы лишь те, основными фигурантами которых выступали представители двух гендеров, не связанные семейными узами. Проблема внутрисемейных отношений во всем многообразии их проявлений не рассматривается в данной статье. Стоит также отметить, что исследуемая выборка дел не отражает полной картины межличностных взаимоотношений в деревне и направлена на характеристику определенных аспектов.

Патриархальный уклад, при котором в распределении ролей между мужчинами и женщинами главенствующая роль отводилась мужчине, лежал в основе деревенской жизни. На уровне местного самоуправления власть также находилась исключительно в руках мужчин. Важно отметить, что обычное право в течение пореформенного периода активно вступало в противоречие с законодательством, создавая дисбаланс в психологии крестьянства, который выразился в определенном «отставании» сознания мужчин, привыкших доказывать собственный авторитет применением физической силы. Патриархальность русской деревни естественным образом структурировала гендерное насилие в категориях «жертва» и «обидчик». С ранних лет крестьянские дети видели, как отец

бьет мать, сами получали наказания, подразумевавшие физическое насилие, за проступки. Дети дрались между собой, причем зачастую драки мальчиков со сверстниками поощрялись взрослыми, которые считали, что так ребенок воспитывается и приучается к будущей жизни [10]. Пример воплощался в жизнь, после чего вновь становился наглядным примером для следующих поколений. Насилие порождало насилие. Жертвами чаще становились женщины, обидчиками, соответственно, мужчины. При этом случаи, когда женщина применяла насилие в адрес мужчины, были скорее исключением [1, с. 135].

Дело по жалобе крестьянина Бисеровской волости Братчиков Иван на решение волостного суда о наказании розгами за нанесение «побоев» крестьянке Татьяне Братчиковой рассматривалось с 15 ноября 1880 г. по 11 января 1881 г. В прошении крестьянин указывал на то, что ему безвинно вынесен приговор — 15 ударов розгами за побои, которых он не наносил [14, л. 1]. В деле присутствовала фраза «бил обухом и кулаком», Братчиков же настаивал, что у него даже топора не было, следовательно, заявление крестьянки про побои обухом — ложь. У истицы не было свидетеля, способного подтвердить факт нанесения побоев, волостной суд настаивал на компромиссном решении — примирении сторон и выплате Иваном Братчиковым 5 рублей серебром в пользу Татьяны Братчиковой. Однако примирения не случилось, и не потому, что крестьянка настаивала на обязательности наказания для обидчика, а потому, что Братчиков настаивал на своей полной невиновности и отсутствии следов побоев. Единственным свидетелем правонарушения был крестьянин Парамон Никитин Бисеров, который слышал, как потерпевшая «ревела» [14, л. 3]. Несмотря на недостаток доказательств и свидетельств в пользу виновности Ивана Братчикова, его прошение было отклонено и он понес заслуженное наказание. Пример этого дела показателен в том смысле, что органы власти стали на сторону женщины, она не была бесправна и безмолвна.

Следующее уголовное дело отличается от рассмотренного выше тем, что у истицы были свидетели правонарушения, а это оказало прямое влияние на судебный вердикт. Дело по жалобе крестьянки Лыпской волости Анны Ворончихиной на решение волостного суда об аресте крестьянина Андрея Никитина за нанесение ей «побоев» рассматривалось с 19 сентября по 16 октября 1890 г. 25 сентября Ворончихина подала жалобу, суть которой состояла в том, что в деле, заведенном на унтер-офицера в запасе Андрея Никитина за удар палкой по плечу (вследствие которого плечо, видимо, было переломлено и на две недели рука стала недееспособной) [16, л. 1], не было указано несколько важных деталей: побои наносились рычагом; не была привлечена к ответственности жена Никитина — Наталия Аристархова Никитина, хотя она наносила побои совместно с супругом; волостной писарь не допустил на суд двух крестьянок, готовых дать свидетельские показания.

Анна Ворончихина прямо требовала разбирательства: «...имею честь покорнейше просить Уездное Присутствие решение это пересмотреть волостным судом, допросив моих свидетелей Марью Никитину и Плетневу, виновным Никитину усилить наказание, а Никитиной назначить одновременно примерное наказание с уплатою мне не в виде заработка, а в виде бесчестья двухнедельных поденщин, в которые я не могла работать рукой...» [16, л. 1].

В суде Андрей Никитин показал, что к его дому 14 июня 1890 г. пришли несколько крестьянок, в числе которых была и Анна Ворончихина. Они вызвали его жену на улицу и стали бить ее, и он вынужден был ее защищать. Свидетельницы отрицали это и настаивали на обратной ситуации. Суд принял во внимание показания свидетельниц, а также жалобу Ворончихиной и постановил на основании статей 101 и 102 «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и статьи 518 «Устава о

благоустройстве в казенных селениях» привлечь к общественной работе при правлении на четыре дня, а также предоставил потерпевшей возможность подать иск на Наталью Никитину [16, л. 6]. Примечателен в этом деле факт недовольства потерпевшей решением, вынесенным в ее пользу. Женщина требовала дополнительного разбирательства и более полного возмещения нанесенного ей ущерба.

Свидетельские показания могли как способствовать ходу судебного процесса, так и тормозить его. Дело по жалобе крестьянина Ветошкинской волости Федора Вотинцева на решение волостного суда о наказании розгами за оскорбление действием крестьянки Афанасьи Ворончихиной разбиралось с 19 октября 1880 г. по 17 января 1881 г. и представляло собой случай, когда множество различных показаний препятствовало установлению правосудия. В кассационной жалобе Вотинцев настаивал на отмене решения в силу нескольких обстоятельств: сам волостной суд признавал, что нет никаких доказательств вины Вотинцева, а решение обосновано «не за вину, а за характер» [17, л. 1]; оскорбление действием было нанесено в ответ на оскорбление лично Вотинцева и его семейства. Три свидетеля (все мужчины) показали, что не видели, как наносились побои, то есть фактически утверждали, что избиения не было. Однако фельдшер Тишинского участка Иван Николаевич Николаев показал, что Ворончихиной нанесены легкие побои [17, л. 4]. Кандидат волостного старшины Санталов показал, что Вотинцев приходил в волостное правление с жалобой на Ворончихину, будто бы она нанесла ему побои. В доказательство этого заявления он показывал царапины на лице. Санталов дополнил, что слышал крики Ворончихиной во время драки [17, л. 4].

Принимая во внимание разнообразие свидетельских показаний, волостной суд на основании статьи 107 «Общего Положения о крестьянах...» предлагал тяжущимся сторонам мирное урегулирование дела, но ответ сторон был отрицательным. Наказание Вотинцеву в виде 20 ударов розгами было назначено в отсутствие крепкой доказательной базы за дурной характер и неуважительное отношение к местным органам власти [17, л. 10]. Пример со свидетельством трех мужчин-крестьян, утверждавших, что Вотинцев не бил Ворончихину, показателен в отношении солидарности крестьян-мужиков, вероятно считавших нанесение побоев женщинам нормой. Учитывая важность свидетельских показаний для вынесения судом приговора, можно констатировать, что, если бы не дурное поведение обвиняемого, исход дела мог быть не в пользу крестьянки. Стоит также отметить определенное самоуправство местных властей, назначивших наказание крестьянину не за совершенное преступление, а за проявленное к ним неуважение.

Дело по жалобе крестьянина Юмской волости Колотова Фадея на решение волостного суда о наказании розгами за нанесение «побоев» крестьянке Елене Колотовой разбиралось с 20 мая по 11 июля 1887 г. Незамужняя крестьянка Горбуновского починка Елена незаконнорожденная Колотова заявила волостному суду на соседа, крестьянина Фадея Климентова Колотова, о нанесении ей побоев 9 февраля рычагом по голове в огороде соседа Потапа Буторина. Колотов не явился в суд, не имея никакой законной причины, объяснявшей неявку [19, л. 4]. Решающую роль в деле вновь сыграли свидетельские показания. Деревенский десятник починка Горбуновского Иван Колотов показал, что на масленице в среду, 9 февраля, вышел из дома и видел соседа Фадея, который в огороде у Потапа Буторина бил Елену. Иван Колотов вместе с Лаврентием Колотовым на месте обнаружили переломленный рычаг, а на голове Елены имелись кровоподтеки [19, л. 4]. Крестьянин Лаврентий Колотов показал то же самое и добавил: «Фадей ударил Елену чуркой уже лежащую — в деревне Фадей говорил, что “надо бы пуще тебя колотить, сволочь!”» [19, л. 4]. Сын Лаврентия Колотова, Степан, рассказал о причине избиения — он гнал с водопоя лошадь, за ним гнала лошадь Елена. Фадей вышел ей навстречу и обви-

нил в том, что она поила свою лошадь у него на одворнице, после чего отломил от забора жердь и бил Елену. На основании свидетельских показаний жалобу признали доказанной и постановили наказать Фадея Колотова двадцатью ударами розог. По сравнению с предыдущим делом здесь свидетельства крестьян-мужчин были в пользу женщины. Очевидно, жестокость, с какой наносились побои, а также незначительность причины избиения подтолкнули крестьян к даче справедливых показаний.

Дело по ходатайству крестьянина Мухинской волости Исупова Якова об отмене решения волостного суда о наказании розгами за оскорбление действием девицы Парасковьи Преженниковой рассматривалось с 21 марта по 8 мая 1884 г. Незамужняя крестьянка починка Логовского Парасковья Романова Преженникова заявила, что 18 февраля ее сосед Яков Исупов без всякого повода нанес ей обиду действием [18, л. 3]. На рассмотрении дела просительница подтвердила свое заявление и сказала, что готова предоставить свидетелей. Яков Акимов Исупов, которому на момент совершения правонарушения был 21 год, объяснил суду, что в указанное время он действительно нанес Преженниковой три удара рукой за то, что она якобы оскорбила его неприличными словами. На основании статьи 107 «Общего положения о крестьянах...» тяжущимся сторонам была предложена мировая сделка, но таковой не последовало. Суд постановил наказать Якова Исупова пятнадцатью ударами розог [18, л. 4]. В данном деле невыясненным осталось одно обстоятельство — оскорбила ли Преженникова словами Исупова или его показания были лишь попыткой оправдать свои действия. Так или иначе потерпевшая крестьянка осознавала неравносильность оскорбления словом и оскорбления действием.

Стоит отметить, что свидетельские показания, игравшие значительную роль в вынесении судебного приговора, не всегда достоверно отражали суть произошедших событий. Так, дело по жалобе крестьянина Лекомской волости Андреяна Хаймина на решение волостного суда о наказании розгами за нанесение «побоев» крестьянке Матрене Хайминой, разбиравшееся с 22 августа 1884 г. по 3 октября 1884 г., предоставляет возможность увидеть несовершенство системы волостных судов. Крестьянин Андреян Хаймин подал кассационную жалобу, в которой утверждал, что несправедливо приговорен за оскорбление и побои к восьми ударам розог и штрафу в 1 рубль за ломку ведер. Андреян отрицал свою вину и настаивал, что свидетельские показания против него не могут считаться достоверными, в силу того что их дали кумовья потерпевшей. Тем самым крестьянин указывал на родственные связи и личную заинтересованность свидетелей. К тому же они имели с Хайминым личные счеты [20, л. 1].

Суть дела Андреян представил так: «Во второй половине февраля месяца, не припомню которого числа, дочь моя, 15-летняя девица Татьяна, пошла на ключ за водой, проходя по дороге, притом означенная просительница Матрена Хаймина, выскочив из своего дома, начала Татьяну ругать <...> схватила Татьяну как несовершеннолетнюю и начала жестоко бить» [20, л. 1]. Далее он обвинил лиц, представленных в качестве свидетелей пострадавшей просительницы Матрены, в том, что они сами били его. Андреян просил уездное по крестьянским делам присутствие отменить решение Лекомского волостного суда, освободить от наказания, а также разобраться в обстоятельствах дела. Тяжба в итоге была решена в пользу Матрены, так как она предоставила свидетелей, а Андреян свои слова ничем не подтвердил [20, л. 5]. Суд, опираясь на свидетельские показания, вновь сыгравшие решающую роль, стал на сторону женщины.

Дело по жалобе крестьянина Балахнинской волости Хрисанфа Шуклина на решение волостного суда о наказании розгами за попытку склонения к прелюбодеянию девицы Марии Шуклиной и неосторожное обращение с огнем разбиралось с 15 декабря 1887 г. по 3 февраля 1888 г. Жалоба и суть дела в целом не многим отличаются от рассмотрен-

ных выше случаев, однако приговор и то, какие формулировки использованы при его составлении, обращают на себя внимание: «Волостной суд, рассматривая обстоятельства настоящего дела сообразно с отзывами сторон и показаниями свидетельскими, находит крестьянина Хрисанфа Федоровича Шуклина виновным. Первое в неосторожном обращении с огнем, второе в склонении к прелюбодеянию крестьянской девицы Марии Меркурьевой Шуклиной и третье в поношении девической чести ее же Марии Шуклиной клеветою будто бы в имевшейся с нею связи» [21, л. 5]. По итогу Хрисанф Шуклин был приговорен к 10 ударам розог.

Не только посягательство на честь и достоинство, но и клевета попадали под наказание, что указывает на уважительное отношение органов власти к женщинам и не соответствует сложившемуся в научной и художественной литературе представлению о бесправном состоянии русской крестьянки.

На материалах русской деревни Удмуртии прослеживается также иной характер правонарушений с участием обоих гендеров. Женщины выступали не только в качестве жертв, но и в качестве обидчиков.

Дело по жалобе отставного солдата Балахнинской волости Прокопия Буркова в волостной суд о краже у него волокна крестьянкой Анисией Корниловой Бурковой разбиралось с 28 декабря 1876 г. по 12 января 1877 г. Отставной солдат Прокопий Герасимов Бурков обвинял в краже волокна Анисию Корнилову Буркову и ее соседа Прокопия Николаева Буркова. Сложность дела заключалась в том, что солдат не заявил о краже вовремя, чем создал для себя и суда множество проблем [15, л. 1]. Примечательной деталью являлось наличие судимости у одного из обвиняемых — Прокопия Николаева Буркова: за кражу дров он был приговорен к пяти ударам розог. Используя этот факт в свою пользу, Анисия Буркова стала всю вину за кражу волокна перекладывать на него, выгораживая себя в сложившейся ситуации [15, л. 2]. Она опиралась на поддержку других крестьянок, в частности некой А. Ефимовой, подтверждавшей непричастность обвиняемой к краже [15, л. 3].

Поскольку солдат Прокопий Герасимов Бурков не предъявил иск вовремя, а также по причине отсутствия свидетелей заявленной кражи, суд освободил Прокопия Николаева Буркова и Анисию Корнилову Буркову от ответственности. В данном случае вновь прослеживается важность свидетельских показаний для принятия судом окончательного решения. Немаловажно и то, что женщина в данном деле выступила не только как одна из обвиняемых, но и проявила определенную дерзость перед лицом суда, не желая принимать даже толику наказания и перекладывая всю вину на мужчину, воспользовавшись тем фактом, что его репутация была уже запятнана правонарушением.

Дело об изнасиловании крестьянки Мухинской волости Ирины Рохиной крестьянином Максимом Пушкаревым разбиралось с 13 ноября 1879 г. по 12 января 1880 г. 13 ноября 1879 г. в Глазовское уездное по крестьянским делам присутствие поступило прошение Ирины Рохиной о том, что Максим Пушкарев подал жалобу на мужа Ирины, Антона Рохина, за то, что последний постоянно оскорблял Пушкарева, называя его вором. Ирину вызывали по этому делу в суд, где она заявила, что Пушкарев в декабре 1878 г. изнасиловал ее, нанеся перед этим побои. Однако никаких свидетелей она предоставить не смогла, хотя на момент заявленного изнасилования рядом находилась двенадцатилетняя дочь Пушкарева, Елена, которая, по словам Рохиной, спала и не проснулась даже от криков [21, л. 1].

Суд разобрал жалобу Пушкарева и приговорил Антона Рохина к аресту на двое суток за нанесение оскорблений. Прошение Ирины Рохиной не рассматривалось, так как не было никаких доказательств и свидетельств, подтверждавших ее слова. Более того, вы-

шел срок давности обращения по делу об изнасиловании, которое было заявлено спустя полгода, при специфических обстоятельствах, когда разбиралось дело против ее мужа [21, л. 3]. Стоит также отметить, что и Пушкарев, и Рохин решением суда остались довольны [21, л. 4]. Несмотря на то что до конца не понятно, имели ли насильственные действия сексуального характера место в реальности или же это было выдумкой Ирины Рохининой с целью переключить внимание суда с актуального дела, где обвиняемым был близкий для нее человек, в данном деле проявляется роль крестьянской женщины не только как жертвы. Мотивы ее поступка очевидны и наталкивают на мысль о понимании женщинами плюсов своего положения, когда местные власти готовы становиться на их сторону в случае, если дело касается поруганной чести.

Обращает на себя внимание характер преступлений, совершаемых женщинами. Если мужчины прибегали к насилию, ощущая право сильного, зачастую обусловленное физическим превосходством и ментальной установкой на главенствующую роль в гендерных отношениях, то женщины совершали мелкие правонарушения, не обусловленные психологическим климатом русской деревни, основанном на патриархальном укладе.

Таким образом, рассмотренные уголовные дела позволяют выявить и охарактеризовать гендерный аспект правонарушений в среде русского крестьянства Удмуртии. Природа насилия, влекущего за собой нарушение закона, вытекала из традиционного уклада деревенской жизни и опоры на нормы обычного права, зачастую шедшие вразрез с действовавшим законодательством. Преобразования, проводимые правительствами Александра II и Александра III, не задевали основ повседневной сельской жизни, для которой характерной оставалась роль мужчины как главенствующего лица. Мужчины, в свою очередь, считали насилие оправданным методом утверждения данной роли, что являлось прямым следствием патриархального уклада. Однако женщины не мирились с подобным положением и в случае попрания собственных прав обращались в местные органы власти. Рост правосознания среди женщин-крестьянок был бы невозможен без ответной реакции на их чаяния со стороны судебных органов, тщательно разбиравших каждое дело и старавшихся вынести справедливое решение. Вместе с тем женщины имели возможность злоупотреблять сочувственным отношением судебных органов, рассматривавших мужчин как категорию, наиболее склонную к правонарушениям.

Список использованных источников и литературы

1. Безгин В. Б. Насилие в крестьянской семье конца XIX века: гендерный аспект проблемы // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20—22 окт. 2011 г., Ярославль. М. : ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 132—137.
2. Безгин В. Б. Преступления на сексуальной почве в российской провинции второй половины XIX — начала XX века [Электронный ресурс] // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 201—246. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_788.html. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.5.788. (Дата обращения: 28.01.2018)
3. Белогриц-Котляревский Л. С. Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль : Типо-литография Г. Фальк, 1890. 35 с.
4. Земцов Л. И. Обычно-правовые основы деятельности волостных судов в России (60—70-е гг. XIX в.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 234—244.
5. Канторович Я. А. Женщина в праве. СПб. : Тип.-лит. М. Я. Минкова, 1895. 317 с.
6. Котовская М. Г. Гендерные очерки: история, современность, факты. М. : ИЭА РАН, 2004. 358 с.
7. Леонтьев А. А. Крестьянское право. Лекции, читанные студентам экономического отделения в 1907—1908 академическом году. СПб. : Литография Трофимова, 1908. 258 с.
8. Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51—64.
9. Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М. : РОССПЭН, 2002. 352 с.

10. Семенова-Гян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М. : Ломоносовь, 2010. 192 с.
11. Трошина Т. И. Гендерные различия преступного поведения: исторический аспект и региональная специфика (северные районы Европейской России в первой четверти XX в.) // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы Четвертой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20—22 окт. 2011 г., Ярославль. М. : ИЭА РАН, 2011. Т. 1. С. 277—281.
12. Хвостов В. М. Женщина и человеческое достоинство. М. : Издание Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1914. 510 с.
13. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). Ф. 108. Оп. 2. Д. 8.
14. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 13.
15. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 25.
16. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 27.
17. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 54.
18. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 64.
19. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 104.
20. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 109.
21. ЦГАУР. Ф. 108. Оп. 2. Д. 154.
22. Чикалова И. Р. Женская и гендерная история. Состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm> (дата обращения: 31.01.2018).
23. Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев: материалы для библиографии обычного права. М. : Унив. тип., 1899. 366 с.

Поступила в редакцию 26.01.2018

Барышников Антон Владимирович, аспирант

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ariox_v@mail.ru

UDK 94(47)“18”:343.6:316.811

A. V. Baryshnikov

**Crimes against the person: the gender aspect
(on materials of the Russian village of Udmurtia of the second half of the XIX century)**

The article is based on the materials of the Glazov District fund for peasant affairs. The activation of modernization processes in the post-reform period sharply marked the problem of emancipation among peasantry. Bringing the reforms into action, the government relied on the peasantry as an exponent of traditional values and regarded it as a layer that, due to its large number and stability of its own way of life, was able to naturally restrain the course of reforms and prevent the destructive development for the country. However, as the processes of peasantry emancipation evolved, inequality between peasant men and women started manifesting. The reason was the patriarchal way of rural life. Tradition conflicted with the development of legal self-awareness of Russian peasant women.

Key words: Russian peasantry, post-reform period, emancipation, criminal offences, gender-based violence, Udmurtia.

Baryshnikov Anton Vladimirovich, Postgraduate

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 426004, Izhevsk, ul. Lomonosova, 4
E-mail: ariox_v@mail.ru

References

1. Bezgin V. B. Nasilie v krest'yanskoi sem'e kontsa XIX veka: gendernyi aspekt problemy [Violence in a Peasant Family of the End of the Nineteenth Century: Gender Aspect of the Problem]. *Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyi aspekt: materialy Chetvertoi mezhdunar. nauch. konf. RAIZhI i IEA RAN, 20—22 okt. 2011 g., Yaroslavl'* [Private and Public: The Gender Aspect. Materials of the Fourth Intern. Sci. Conf. RAIZHI and IEA RAS, October 20—22. 2011, Yaroslavl]. Moscow, IEA RAN Publ., 2011, vol. 1, pp. 132—137. (In Russian)
2. Bezgin V. B. Prestupleniya na seksual'noi pochve v rossiiskoi provintsii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka [Sex crimes in the Russian province of the second half of the XIX — early XX century]. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2013, no. 5, pp. 201—246. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_788.html. Accessed: 28.01.2018. (In Russian)
3. Belogritys-Kotlyarevskii L. S. *Tvorcheskaya sila obychaya v ugovnom prave* [The creative power of custom in criminal law]. Yaroslavl, Tipo-litografiya G. Fal'k Publ., 1890. 35 p. (In Russian)
4. Zemtsov L. I. Obychno-pravovye osnovy deyatelnosti volostnykh sudov v Rossii (60—70-e gg. XIX v.) [The customary law basics of the volost courts activities in Russia (60—70^s of the XIX century)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2005, no. 2, pp. 234—244. (In Russian)
5. Kantorovich Ya. A. *Zhenshchina v prave* [The woman in law]. St. Petersburg, Tip.-lit. M. Ya. Minkova Publ., 1895. 317 p. (In Russian)
6. Kotovskaya M. G. *Gendernye ocherki: istoriya, sovremennost', fakty* [Gender essays: history, modernity, facts]. Moscow, IEA RAN Publ., 2004. 358 p. (In Russian)
7. Leont'ev A. A. *Krest'yanskoe pravo. Leksii, chitannye studentam ekonomicheskogo otdeleniya v 1907—1908 akademicheskom godu* [Peasant Law. Lectures given to students of the economic department in 1907—1908 academic period]. St. Petersburg, Litografiya Trofimova Publ., 1908. 258 p. (In Russian)
8. Pushkareva N. L. Zhenskaya i gendernaya istoriya: itogi i perspektivy razvitiya v Rossii [Women's and Gender History: Results and Prospects of Development in Russia]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2010, no. 2, pp. 51—64. (In Russian)
9. Repina L. P. *Zhenshchiny i muzhchiny v istorii: Novaya kartina evropeiskogo proshlogo. Ocherki. Khrestomatiya* [Women and men in history: A new picture of the European past. Essays. Chrestomathy]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 352 p. (In Russian)
10. Semenova-Tyan-Shanskaya O. P. *Zhizn' "Ivana". Ocherki iz byta krest'yan odnoi iz chernozemnykh gubernii* [Life of Ivan. Essays from the life of the peasants of one of the Black Belt provinces]. Moscow, Lomonosov" Publ., 2010. 192 p. (In Russian)
11. Troshina T. I. Gendernye razlichiya prestupnogo povedeniya: istoricheskii aspekt i regional'naya spetsifika (severnye raiony Evropeiskoi Rossii v pervoi chetverti XX v.) [Gender differences in criminal behavior: the historical aspect and regional specificity (the northern regions of European Russia in the first quarter of the 20th century)]. *Chastnoe i obshchestvennoe: gendernyi aspekt: materialy Chetvertoi mezhdunar. nauch. konf. RAIZhI i IEA RAN, 20—22 okt. 2011 g., Yaroslavl'* [Private and Public: The Gender Aspect: Materials of the Fourth Intern. Sci. Conf. RAIZHI and IEA RAS, October 20—22. 2011, Yaroslavl]. Moscow, IEA RAN Publ., 2011, vol. 1, pp. 277—281. (In Russian)
12. Khvostov V. M. *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo* [Woman and human dignity]. Moscow, G. A. Leman & B. D. Pletnev Publ., 1914. 510 p. (In Russian)
13. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archives of the Udmurt Republic] (TsGAUR). F. 108. Op. 2. D. 8.
14. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 13.
15. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 25.
16. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 27.
17. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 54.
18. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 64.
19. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 104.
20. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 109.
21. TsGAUR. F. 108. Op. 2. D. 154.
22. Chikalova I. R. *Zhenskaya i gendernaya istoriya. Sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Women's and gender history. Status and prospects of development]. Available at: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/chikalova.htm>. Accessed: 31.01.2018. (In Russian)
23. Yakushkin E. I. *Obychnoe pravo russkikh inorodtsev: materialy dlya bibliografii obychnogo prava* [The customary law of non-Russians: materials for the bibliography of customary law]. Moscow, Univ. tip. Publ., 1899. 366 p. (In Russian)